

Елена Палашек

О братьях наших меньших

Выбор бумера

Во мне и в моей хозяйке так много любви, что мы просто ее вдыхаем и выдыхаем вместо кислорода и углекислого газа.

Это я сейчас такой грамотный и знаю, кто и чем дышит, потому что хозяйка – настоящий, но необычный профессор медицины. Она часто по телефону рассказывает, как и чего делать, чтоб не болеть, а еще тренирует своих пациентов ходить с палками. Я люблю сопровождать ее на тренировках, слушать рассказы, рассматривать самую совершенную фигуру на свете и нежные мягкие ладони, запах которых не могу сравнить ни с чем. Длинные пальцы умеют так почесать за ухом, что я чуть сознание не теряю от удовольствия.

Наши отношения сразу не сложились идеально, но сейчас я самый счастливый пес на свете: у меня красивенный красный ошейник вместо веревки, и никто меня не сажает на цепь.

Я не могу сказать, что мой бывший хозяин плохой человек, очень даже хороший, просто раздражительный. Иногда он со всего размаха бил меня по голове так, что глаза выскочить хотели. Говорят, что шрамы украшают кобелей, но я предпочел бы, чтоб меня ими не украшали. Но самое страшное, что он мне хвост отрезал, или, как это называют двуногие, купировал. Об этом я тоже узнал от моего профессора. Ну несправедливо у собак этим словом называть процесс обрубки хвоста, а у людей – прерывание острого приступа болезни. Как люди не понимают, что отрезать собаке хвост – это все равно что отрезать человеку язык. Хотя с помощью хвоста четвероногие умеют рассказать куда больше, чем двуногие языком. Кстати, если собака – сучка, то она может

вместо хвоста хотя бы попой вилять. Но кобелю это не комильфо. Это словечко я перенял у одной из гламурных сук.

Мой бывший хозяин меня не выбирал, меня выбрала его жена. Она была очень больна, у нее внутри завелся какой-то рак, наверное, один из тех, что любят кушать мои сожителю и их гости, и даже меня угостить пытались. Хорошо я отказался, потому что один из раков грыз хозяйку изнутри. Когда я лизал руки этой маленькой хрупкой женщины, а она трепала мою холку, мне хотелось тоже попасть вовнутрь и загрызть этого рака.

Но пришел тот день, когда она ушла навсегда, а я стал ненавидеть всех раков на свете.

Мой бывший благодетель тоже горевал и заливал свою скорбь пивом. Как-то он купил целый ящик и пригласил любителей этого странного напитка, пахнущего, как прокисший хлеб. Фу, ни за что не стал бы пить такую гадость.

Друзья принесли два огромных пакета раков. Их высыпали в синий таз, в тот самый, куда мою умирающую хозяйку в последние дни выворачивало грязно-зеленой смесью, прямо под цвет раков, и поставили за угол дома, чтобы спрятать от солнца. Но я не солнце, я их нашел и ни одного не оставил в живых.

Впервые я получил не кулаком по голове, а цепью по спине. Хозяин меня избивал, пока не удалось вырваться.

Я выскочил за ворота и увидел приоткрытую калитку одного из соседних домов. Я тихо лежал всю ночь за гаражом в чужом дворе. Спина болела, и хотелось скулить от боли, но язык онемел от страха, что хозяин найдет меня.

Утром во двор въехала дама на красивой машине. Она была слишком высокая для этой маленькой будки, поэтому выползала из нее, как одна моя знакомая сука из конуры. Таких длинноногих людей, как она, я не видел никогда. Прихрамывая, я отважился к ней подойти. И чудо случилось. Она, сложив пополам свои ноги, начала меня гладить. Мне было больно, но она не видела синяков под шерстью, а я терпел, чтоб ее не обидеть.

Потом она встала и сказала так просто, как будто мы были знакомы тысячу лет:

– Как ты здесь оказался, сосед? Ты, наверное, голодный и пить хочешь. Пойдем со мной.

На этом волшебство закончилось.

Она отвела меня к хозяину.

Я снова получил кулаком, как только эта красавица ушла. Не пойму, почему свое раздражение двуногие всегда вымещают на тех, кто или слабее, или деликатнее.

В этот момент я понял, что больше так жить не хочу. В конце концов, если люди могут выбирать себе собак, значит, и собаки имеют право выбирать себе человека. И я выбрал эту женщину с огромными умными добрыми глазами.

Три дня я сидел день и ночь возле калитки ее дома. И наконец она приехала. Мы поздоровались, как старинные знакомые. Хотя как два серьезных, так и хочется сказать – человека, эмоции скрыли внутри.

Красавица меня впустила во двор, и я провел с ней полдня. А потом она собралась уезжать и попросила выйти на улицу.

Вечером хозяин промахнулся и ударил со всего размаха по носу. Это было не только больно, но и унижительно.

Я стал жить на улице у калитки соседнего дома, ожидая приезда своей избранницы. Она появлялась то через день, то через два, то через три. Приходилось иногда заглядывать к извергу, чтобы покушать, попить воды и получить порцию тумачков.

Однажды, когда красавица уезжала, мне удалось остаться в ее дворе – сначала выбежал с нею, а потом, когда она отвлелась, метнулся назад. Я готов был даже умереть, лишь бы моя царевна поняла, что я выбрал ее. Через четыре дня, когда она открывала калитку, у меня еле хватило сил выйти навстречу. Меня поддерживала уверенность, что до моей любимицы дошло: я уже никогда не вернусь к живодеру. Простите за это слово, так много обид накопилось, что иного не нашел.

А потом случилось чудо – моя уже хозяйка стала жить в доме постоянно и никуда не уезжала. Спасибо какому-то коронавирусу, который она ругала, а я любил.

Всю весну и лето мы жили душа в душу. Часами гуляли, исследуя берег Хаджибейского лимана. Мне хотелось кричать: представляете, мир – это не только двор моего хозяина, который, кстати, нелегко смирился с моим уходом. Как-то он явился к нам со словами:

– Предатель! Я лучше себе попугая заведу.

Я считаю, что ему как бывшему моряку попугай подойдет, только переживаю, выдержит ли бедная птица удар в лоб. Ну если выживет, мы его в наш дом заберем. Понимаете, именно в наш! Мне разрешили ночевать не на улице.

Когда я впервые зашел в прихожую и увидел свое отражение в зеркале, я понял, что в моих глазах больше нет страха.

Моя влюбленность переросла в настоящую любовь. Я не мог без моей ненаглядной хозяйки уже ни минуты. И когда она в очередной раз села в машину и поехала по своим делам, я понял, что умру уже через час после начала разлуки.

Я бежал за машиной долго-долго, силы были на исходе, но любовь подарила второе дыхание, потом третье.

И вот машина остановилось, и мой ангел, моя длинноногая богиня вышла со словами:

– Дурачок, что же ты делаешь? А ну-ка, прыгай в машину.

Эх, если б у меня был хвост вместо обрубка, я бы так рассказал о своей радости!

С тех пор мы не расстаемся. Я сопровождаю хозяйку на работу, на тренировки, кстати, она тренирует других с палками, которых я уже не боюсь, и радуюсь, что они не в руках у бывшего тирана. Я хожу с ней на выставки, в гости к ее друзьям. И так приятно, когда все говорят: «Какая воспитанная собака!».

Передайте всем четвероногим на свете: не бойтесь выбирать людей сами, и тогда мир станет добрым по отношению к вам.

Ну вот, вроде и все, о чем хотел рассказать.

Хотя нет, хочу сказать людям: не бойтесь выбирать тоже, и тогда мир станет добрым по отношению к вам.

Кешбэк

А знаете, что собаки воют только на вдохе, а что моя хозяйка по кличке Мила – тоже собака, и по гороскопу, и в жизни.

Она красива и любвеобильна, как моя мама, которую я хорошо помню с того момента, как она вылизала меня и съела мой послед. Нас в помете было семеро, и всем хватало шершавых ласк

ее языка. Но как же мне хотелось, чтоб я был один у мамы, чтоб ее язык принадлежал только мне!

Увы, хозяйка любит не только меня. Легко терпеть ее постоянные мимишки по отношению к маленькому наглому волнистому попугаю и к грациозной длиннолапой бесшерстной кошке, чьи многочисленные складки на коже прикольно вылизывать (иногда бывает настроение).

А вот ее любовь к мужчинам – это совсем другое дело. Три бывших мужа были противными и наглыми, как чихуахуа, питбуль и ризеншнауцер из соседних подъездов, и называли ее: «Моя кицюня». Ну какая она им кицюня? Кицюням нужен обслуживающий персонал, как нашей, лишенной не только шерсти, но и совести. А хозяйка преданно служила им, как собака.

Одного сделала главным в своем бизнесе, а он сбежал к другой суке вместе с деньгами.

Второму воспитала щенка от первого брака и не побоялась его дружков, вечно воняющих наркотиками.

Третьего она называла «мой любимый альфонс». Я тогда узнал, что альфонсы сидят на шее, но я не видел, как он сидел на ее шее, видимо, при мне стеснялся, но все об этом говорили.

Ее наградой был я – абрикосовый красавчик той-пудель по кличке Кешбэк. Только не думайте, что хвастаюсь.

Имя досталось мне не случайно: в тот день, когда хозяйка меня купила за немалую сумму, поверьте, я того стоил, тут же нашла не без моей помощи в укромном месте за пианино пакетик с личностью, заныканный первым муженьком. Если ее спрашивали о моем прозвище, она сначала вытягивала трубочкой губы, а потом причмокивала и загадочно улыбалась. В этот момент мне нестерпимо хотелось лизнуть ее прямо в лицо, о чем сообщал хвост, слава собачьему богу, не купированный. Я бы все лапы искусал всем придуркам, кто способен оттяпать уши и хвосты собакам.

Моя хозяйка никогда бы ничего мне не отрезала, потому что она умнее всех на свете, да и я тоже не промах. Не думайте, что хвастаюсь, но ума мне не занимать. Вот я с удовольствием выполняю все команды хозяйки, а ее мужья такой чести от меня никогда не дождутся.

Каждую ночь я устраиваюсь под боком у моей ненаглядной. Там я крихчу и возмущаюсь, отодвигая лапами очередного кобеля

от ее мягкого тела, пахнувшего ромашками, медом и дерьмом так сильно, как будто она только что качалась на траве.

Самый противный последний самец: вонючий, вечно потный, к тому же выше и толще кухонного комода чуть ли не в два раза. Мы прожили вместе больше четырех лет, а друг к другу так и не привыкли. Ни разу не дождавшись ласки от этого двуногого шкафа по кличке Сережа, я был даже изувечен этим паршивым псом.

Как-то он столкнул меня с кровати так резко, что я, пролетев метра два, неудачно приземлился. Я, конечно, матерый кобель, причем еще какой (об этом знает много сук, не подумайте, что хвастаюсь)! Но от боли орал как резаный. А потом страдал в ветбольнице целых две недели, причем больше всего из-за отсутствия хозяйки. Она приезжала ко мне каждый день, и мне хотелось у нее спросить только одно: выгнала ли она уже эту плешистую шавку, которую звала муженьком, и когда она меня заберет. Я не мог понять, какой вопрос для меня важнее, и объединил их в один.

И не напрасно я не любил это гигантское двуногое. Когда пришла беда, оно даже не отважилось лично покусать обидчика, а переуступило это мне.

Недавно к хозяйке понаехали гости. Я понимаю, что лето в Одессе проводить лучше всего, но нельзя же так наглеть, поэтому, встречая их, долго пытался объяснить, что это неправильно. Хозяйка почему-то попыталась закрыть мне пасть и скомандовала:

– Кешбэк, фу, на место!

Это самая глупая команда, которую я слышал. Мое место рядом с ней, поэтому я и так на месте. И я спокойно продолжил рассказывать о широкой душе моей хозяйки и о том, что родственники и приятели с ней не церемонятся и приезжают всегда без предупреждения пачками.

В этот раз тоже их понаехало много, и все не помещались в квартире. Мы их накормили и отвезли в загородный пансионат за две ходки.

А потом, чтобы сэкономить деньги гостей, я и моя красотуля каждое утро ездили туда через Привоз.

Ее двуногий шкаф тоже пристраивался с нами. Он был прожорливее, чем вечно голодные привозные дворняги, и совал себе в рот все подряд, делая вид, что собирается покупать эти

продукты. Но покупала-то хозяйка. И все же польза от него была, он таскал сумки, а я сидел на руках у моей любимицы.

В этот день солнце было очень противным с самого утра, оно как будто с цепи сорвалось и раскалило прилавки. Продавщицы стали недовольными и неуступчивыми. Мы делали закупки, а двуногий шкаф никак не мог наесться.

Даже в машине, пока я наслаждался самыми мягкими коленями, он жевал кровяную колбасу со сладким рогаликом, не думая, что мне тоже хочется, и, собирая крошки с живота, ворчал о том, что все гости сидят на нашей шее.

А хозяйка, как всегда, скромно молчала о том, что на ее шее сидят не только гости, но и он.

Когда приехали на место, я первым выскочил из машины и побежал метить территорию.

Двуногий шкаф лениво вытер руки и рот влажной салфеткой и отдал жене. Она улыбнулась и выбросила в урну.

Из подъезда появился первый встречающий, мелкий шустрый мальчик лет четырех, которого все звали Василий Петрович. Щенки в семье часто становятся самыми главными, по себе знаю, поэтому его величали по имени-отчеству.

– Кебеш, лядом, – скомандовал он и побежал в направлении детской площадки.

Все, что произошло дальше, помнится, как сон наяву, страшный-престрашный сон, и мне до сих пор хочется проснуться.

Из-за угла дома выскочили два огромных алабая и бросились вдогонку за малышом.

Хозяйка замахала руками и заорала:

– Василий Петрович! Стой! Нет! Не останавливайся! Беги в подъезд! Нет, лезь на горку!

Потом она толкнула своего мужа:

– Сделай что-нибудь...

И этот паршивый пес сделал... бросил пакеты на землю и засунул в машину свое огромное тело быстрее, чем обычно.

Я же бросился наперерез собакам. Мне удалось высоко подпрыгнуть и уцепиться за губу одного из страшилищ.

Тот взвизгнул так, что сработала сигнализация в машинах на стоянке.

Второй пришел на помощь, увы, не мне. Я почувствовал, как зубы впиваются в кожу, и трещат мои ребра. В это время хозяйка подхватила мальчика и побежала в подъезд.

Как только Василий Петрович оказался в безопасности, она метнулась к машине, выхватила оставшуюся колбасу из рук мужа и побежала спасать меня.

Колбаса отвлекла этих двух монстров, и они потеряли ко мне интерес, выплюнув, как кусок испорченного мяса.

Дышать было трудно. Впервые руки хозяйки делали больно, когда она прижимала меня к груди.

Наконец появился владелец зверюг. Он не счел нужным даже извиниться.

Нам с хозяйкой было не до него, она спешила в больницу. По дороге она нашептывала много нехороших слов о трех монстрах. Больше всего досталось владельцу. Оказывается, она его знает, и этот урод, зажавшийся депутат местного разлива, еще свое отгребет.

Я очнулся на холодном столе, когда мне делали рентген. Хозяйка просила меня не шевелиться. А я и не собирался, у меня все равно не было сил.

Врачи сказали, что надежды нет, что дело совсем плохо.

А я с первой минуты невыносимой боли понял, что моя смерть равносильна предательству. Я не хочу предавать свою хозяйку, я буду бороться за жизнь. Я выживу хотя бы для того, чтобы посмотреть, как двуногий шкаф, которому служит моя богиня так же преданно, как я ей, соберет свои вещи и уберется восвояси.

А я ему на прощанье скажу только одно...

Хотя зачем? Не подумайте, что я хвастаюсь, но я очень умный, и понимаю, что он все равно ничего никогда не поймет.

